

*Угрюмый или пышный? Петербург бедных чиновников
Достоевского*

*Ponury czy wystawny? Petersburg biednych urzędników
Dostojewskiego*

*Gloomy or sumptuous? Saint Petersburg of poor office
workers according Dostoevsky*

Jacek Szlufik

Słowa kluczowe

urzędnik, metropolia, nędza, przepych, Rosja

Key words

office workers, metropolis, misery, splendour, Russia

Abstrakt

Obraz carskiej stolicy we wczesnych utworach Fiodora Dostojewskiego jest niejednoznaczny: z jednej strony to metropolia tętniąca życiem, onieśmielająca swoim przepychem i pretendująca do miana jednego z najważniejszych miast ówczesnej Europy, z drugiej – miejsce pełne kontrastów społecznych, ludzkiej nędzy, odrapanych, czarnych, kilkupiętrowych kamienic czynszowych. Właśnie w takich ciasnych i ponurych domach mieszkają oni – skromni, dziwaczeni, opętani swoimi namiętnościami, ubodzy petersburscy urzędnicy. Niniejszy artykuł stanowi próbę analizy w ujęciu socjologiczno-obyczajowym obrazu Petersburga, zawartego w utworach Dostojewskiego sprzed 1848 roku.

Abstract

The picture of tsarist capital city in early works by Fyodor Dostoyevsky is vividly ambiguous; on the one hand it is a metropolis vibrant with life, over-awing with its lavishness and aspiring to be one of the most important cities of contemporary Europe and on the other hand – the place full of social contrasts, the poor, shabby-looking, black low-rise tenement houses. In fact, such cramped

and gloomy houses are dwelled by them – humble, obsessive about their passions and extremely impoverished office workers of Saint Petersburg. This article is an attempt of detailed analysis of Petersburg life phenomena, from a sociological and social perspective, presented in Dostoyevsky's works before 1848.

Угрюмый или пышный? Петербург бедных чиновников Достоевского

Ale kto widział Petersburg, ten powie,
Że budowały go chyba szatany.
A. Mickiewicz, *Dziady* cz. III

Тема Петербурга – одна из основных в творчестве автора Белых ночей, который, как и многие из его рассказчиков, юношей попал в столицу и оказался очарованным её пространственной бесконечностью, архитектурой зданий и атмосферой, господствующей в городе.

Впервые писатель приехал в „северную столицу” России в середине мая 1837 года учиться в пансионе Костомарова. С того времени началось его двадцатидевятилетнее общение с „городом на Неве”, которое позволило ему создать самые замечательные картины Петербурга в литературе – всё то, что впоследствии литературоведы стали называть „Петербургом Достоевского”¹.

Владимир Топоров, исследуя «мифопоэтическое пространство» этого города, справедливо замечает, что в 40-50-е годы XIX века в русской литературе наблюдается „оформление петербургской темы в её «низком» варианте – бедность, страдание, горе – и в «гуманистическом» ракурсе, первые узрения инакости города, его мистического слоя – почти весь ранний Достоевский, включая и «Петербургскую летопись»”².

Евгения Саруханян, рассматривающая литературные и личные связи автора Ползункова с Петербургом, назвала Достоевского „социологом столицы”, указывая тем самым на особый колорит его произведений о Петербурге³.

В 1861 году в Петербургских сновидениях в стихах и прозе Достоевский писал: „Я страшный охотник до тайн, я фантазёр, я мистик, и, признаюсь вам, Петербург, не знаю почему, для меня всегда казался

¹ Е. Саруханян, *Достоевский в Петербурге*, Ленинград 1972, с. 3-4.

² В. Топоров, *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное*, Москва, 1995, с. 259-367, [in:] http://philologos.narod.ru/ling/topor_piter.htm (21.04.2015).

³ Е. Саруханян, *Достоевский...*, с. 197.

какой-то тайною. Ещё с детства, почти затерянный, заброшенный в Петербурге, я как-то всё боялся его”⁴.

Достоевский уже в первом своём романе обратился в сторону изображения городского пейзажа. Он сделал дальнейший шаг по пути, положенному Александром Пушкиным и Николаем Гоголем, воссоздавшими в своих произведениях Петербург, как блестящий город и одновременно как олицетворение холодной, бесчеловечной силы, губящей людей. Именно в социальном изображении внешнего облика метрополии и её детального топографического описания литературоведы усматривают оригинальность подхода Достоевского к теме царской столицы⁵.

В ранних произведениях автора Двойника, особенно в *Бедных людях* город Петербург представляет собой как бы дополнительное действующее лицо. Галина Пономарева замечает, что в героях первого романа Достоевского

воплотились «видения» Петербурга с его людской массой, где «пролетариат столицы» сливался в близкое целое, растворявшееся потом в нанятых углах закоптелых доходных домов. [...] Для начинающего писателя, пытливо всматривающегося и изучавшего Петербург, за дымкой фантастической картины города скрывалась зовущая реальность именно отдельного и частного незаметного бытия, так называемого «маленького человека», считавшегося тогда чуть ли не главным предметом литературной физиологии, социального типизирования и обобщения⁶.

В характерной для „натуральной школы” манере Достоевский подробно воспроизводит здесь „физиологию” страшных и бесцветных улиц и переулков огромного города – приюта многочисленных бедняков. Таким описывает его герой романа Макар Девушкин в письме к Вареньке от 5 сентября:

Народу ходила бездна по набережной, и народ-то как нарочно был с такими страшными, уныние наводящими лицами, пьяные мужики, курносые бабы-чухонки, в сапогах и простоволосые артельщики, извозчики, наш брат по какой-нибудь надобности [...]. На мостах сидят бабы с мокрыми пряниками да с гнилыми яблоками и всё такие грязные, мокрые бабы⁷.

⁴ В. Нечаева, *Ранний Достоевский. 1821-1849*, Москва 1979, с. 208.

⁵ Vide: Н. П. Анциферов, *Душа Петербурга. Быль и миф Петербурга. Петербург Достоевского*, Москва 1991.

⁶ Г. Пономарева, *Достоевский: я занимаюсь этой тайной*, Москва 2001, с. 41-42.

⁷ Ф. М. Достоевский, *Бедные люди*, [в:] Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, t. 1, Ленинград 1972, с. 85.

Макар Алексеевич в своих письмах-исповедях видит Петербург грязным, перенаселенным, наводящим тоску и уныние. Но есть ещё иной – богатый, блестящий Петербург, и его образ тоже воспроизводится в романе. Богатая улица Гороховая, по которой бродит мелкий чиновник Девушкин, намного красивее канала Фонтанки:

Шумная улица! Какие лавки, магазины богатые; всё там и блестит и горит, материя, цветы под стёклами, разные шляпки с лентами [...] Сколько карет поминутно ездит; как это всё мостовая выносит! Пышные экипажи такие, стёкла, как зеркало, внутри бархат и шёлк; лакеи дворянские, в эполетах, при шляге. Я во все кареты заглядывал, всё дамы сидят, такие разодетые, может быть и княжны и графини⁸.

Петербург это город социального неравенства, больших контрастов. С одной стороны перед нами явится суровый, тусклый пейзаж пролетарской части столицы, с другой – пышный, парадный Петербург, центр культурной жизни России.

Достоевского интересуют обе картины города. Его жителям, разделённым иерархической структурой общественных и социальных отношений, он уделяет много внимания. Писатель останавливается внизу социальной лестницы и рассказывает о самых бедных петербуржцах. Его герои живут в неудобных и холодных домах, в комнатах похожих на клетки и каморки, в которых ютятся мелкие чиновники, торговцы, ремесленники и люди без всякого звания. Крытые тёмные лестницы, тесные длинные переходы, глубокие подворотни, маленькие окна с широкими подоконниками, узкие и толстые стены, хранящие от ледящего холода петербургского климата, низкие комнаты под крышей – в таких домах живут герои произведений Достоевского.

В одном из писем Макар Девушкин жалуется Вареньке, что в доме, в котором он нанимает комнату:

На каждой площадке стоят сундуки, стулья и шкафы поломанные, ветошки развешены, окна повыбиты; лоханки стоят со всякою нечистью, с грязью, с сором, с яичною скорлупою да с рыбьими пузырями; запах дурной... одним словом, нехорошо⁹.

В комнатах царит „гнилый”, „остро-усласенный запах”, которым пропахнуты все обитатели, и к которому однако все привыкают. Ночью успокоиться и заснуть невозможно. Всё время кто-то играет в карты,

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem, с. 22.

кто-то курит табак, „а иногда и такое делается, что зазорно рассказывать”.

В том же доме, рядом с Девушкиным, живёт бедная семья Горшковых с детьми. Они в крайней нужде, но никто им не помогает. Глава семьи – „чиновник без места”, он не в силах обеспечить свою семью. У него нет работы. Макар Алексеевич сочувствует Горшковым:

„Всегда у них в комнате тихо и смиренно, словно и не живёт никто. [...] У меня всё сердце надорвалось, и потом всю ночь мысль об этих бедняках меня не покидала”¹⁰.

Углы, чердаки, каморки, грязные и оборванные стены, клеенчатая мебель с вылезшей наружу мочалкой, пыль, угрюмый грязно-зелёный цвет – вот общий фон произведений Достоевского. Именно в таких петербургских домах со следами „былого классицизма” жил и сам автор Бедных людей в сороковых годах. Он чаще всего снимал уголочные квартиры. В таких домах он обычно и поселял своих героев.

Угол у Достоевского – это всегда символическое обозначение уединения. Достоевский необыкновенно часто употребляет это слово, а также удивительно изобретателен в подборе синонимов к нему: его герои мысленно удаляются «в пустыню», «в пещеру», «в монастырь», «в крепость», «в Америку», в «ущелье», «в нору», «в скорлупу», «в конуру», «под одеяло», «к себе»,¹¹ – замечает Александр Криницын.

Для Мечтателя из Белых ночей угол это „отрадная норка”, в которой он наслаждается своим одиночеством. В тишине, оставшись один на один с собою, он может мечтать, „творить” иррациональную действительность. Но кроме его собственного угла ещё есть другие „странные уголки”, о которых он рассказывает Настеньке:

Есть Настенька, если вы этого не знаете, есть в Петербурге довольно странные уголки. В эти места как будто не заглядывает то же солнце, которое светит для всех петербургских людей, а заглядывает какое-то другое, новое, как будто нарочно заказанное для всех углов, и светит на всё иным, особенным светом. В этих углах, милая Настенька, выживается как будто совсем другая жизнь, не похожая на ту, которая возле нас кипит. [...] Вот эта-то жизнь и есть смесь чего-то фантастического, горячо-идейного и вместе с тем (увы, Настенька!) тускло-прозаического и обыкновенного, чтоб не сказать: до невероятности пошлого¹².

¹⁰ Ibidem, с. 27.

¹¹ А. Криницын, *Исповедь подпольного человека, К антропологии Ф. М. Достоевского*, Москва 2001, с. 17.

¹² Ф. М. Достоевский, *Белые ночи*, [в:] Ф. М. Достоевский, *Полное...*, т. 2, с. 112.

Город, который открывается перед глазами Мечтателя фантастичен, полон непонятного и странного. В романе ощущается интимность в общении героя с петербургской средой. Е. Борисова убеждает нас в том, что именно здесь одухотворённость Петербурга, его колдовское обаяние и влияние на мироощущение человека получили наиболее законченное и полное воплощение. По её мнению, „активная, определяющая роль архитектуры города состоит здесь не в том, что она обозначает, конкретизирует место действия, а в том, что она так или иначе дополняет и выражает образ героев Достоевского”¹³. Е. Саруханян развивает эту мысль, утверждая, что: „Город в повести – равноправная образная сила среди сил, движущих повествование”¹⁴. Именно такому изображению города способствует магический колорит белых ночей; не случайно автор озаглавил свою повесть *Белые ночи* и разделил её не на главы, а на „ночи”: ночь первая, ночь вторая и т.д. Повесть состоит из четырёх „ночей”. Необыкновенное настроение ночных пейзажей передаётся в восприятии главного героя, который в ту пору бродит по городу, дружно – как ему кажется – приветствующему его. Для Мечтателя каждый дом – живое существо:

Мне тоже и дома знакомы, когда я иду, каждый как будто забегает вперёд меня на улицу, глядит на меня во все окна и чуть не говорит: «Здравствуйте; как ваше здоровье? И я, слава богу, здоров, а ко мне в мае месяце прибавят этаж» [...] Из них есть у меня любимцы, есть короткие приятели; один из них намерен лечиться это лето у архитектора¹⁵.

Город воспринимается Мечтателем поэтически. Даже набережная канала преобразается – она прекрасна и загадочна. Нежный сумрак скрывает грязь, пошлость и убожество окружающего.

Но в столице герой чувствует себя одиноким, особенно летом, когда петербуржцы уезжают на дачу. Опустошенный город с его бесконечными площадями вредно влияет на психику человека, рождая нечто в роде клаустрофобии. Ощущение затерянности и незащитности человека в городе сочетается с чувством замкнутости и безвыходности в длинных лабиринтах улиц.

Столица со своим пространством гарантирует своим обитателям возможность стать анонимным, они как будто погружаются в серые и грязные стены многоэтажных домов, не обращая внимания на

¹³ Е. Борисова, *Некоторые особенности восприятия городской среды и русская литература второй половины XIX в.*, [в:] *Типология русского реализма второй половины XIX века*, под ред. Г. Стернина, Москва, 1990, с. 274.

¹⁴ Е. Саруханян, *Достоевский...*, с. 85.

¹⁵ Ф. М. Достоевский, *Белые ночи*, [в:] Ф. М. Достоевский, *Полное...*, т. 2, с. 103.

прохожих. В начале рассказа *Чужая жена и муж под кроватью* рассказчик замечает:

А уж известно, что если один петербургский господин вдруг заговорит на улице о чём-нибудь с другим, совершенно незнакомым господином, то другой господин непременно испугается¹⁶.

В большом городе очень мало места на искренние и сердечные отношения с людьми. Герои ранних произведений Достоевского обычно живут в одиночку, хотя мечтают найти братскую душу в толпе всё время подвижных петербуржцев. Так и живёт герой рассказа *Честный вор*:

На другой же день в моей скромной, холостой квартире появился новый жилец; но я не досадовал, даже про себя был рад. Я вообще живу уединенно, совсем затворником. Знакомых у меня почти никого; выхожу редко. Десять лет прожив глухарем, я, конечно, привык к уединению¹⁷.

Судьба молодого дворянина-учёного, Василия Ордынова из повести *Хозяйка* также напоминает более судьбу закреплённого, чем жизнь свободного человека: „Он всегда вёл жизнь тихую, совершенно уединённую. [...] он как будто запёрся в монастырь, как будто отрешился от света. Через два года он одичал совершенно”¹⁸.

К этой теме Достоевский обратился также в рассказе *Господин Прохарчин*. Семён Иванович Прохарчин это пожилой, мелкий петербургский чиновник, который поместился в самом тёмном и скромном уголке в квартире Устиньи Фёдоровны. Хотя в квартире много жильцов и у них сердечные взаимоотношения, то Прохарчин ведёт себя по-другому; он скопидом и скарред и поэтому становится объектом насмешек и издевательств со стороны соседей по квартире и коллег по работе. У читателя складывается впечатление, что он совсем один в своём болезненном состоянии.

Гнетущая и удушающая атмосфера петербургских улиц и переулков знакома была и самому писателю. В письме к брату Михаилу от сентября 1845 года он признавался:

[...] Мне Петербург и будущая жизнь петербургская показались такими странными, безлюдными, безотрадными, а необходимость такую

¹⁶ Idem, *Чужая жена и муж под кроватью*, [в:] Ф. М. Достоевский, *Полное...*, т. 2, с. 49.

¹⁷ Idem, *Честный вор*, [в:] ibidem, т. 2, с. 83.

¹⁸ Idem, *Хозяйка*, [в:] ibidem, т. 1, с. 264–265.

сурово, что если б моя жизнь прекратилась в эту минуту, то я, кажется, с радостью бы умер¹⁹.

Одну из самых мрачных картин Петербурга в досибирском периоде своего творчества Достоевский создал в повести *Двойник*. Город, изображённый в этом произведении, несёт разрушение, утрату и обезличение своим обитателям. Для Голядкина, героя повести, это город враждебный, в котором человек чувствует себя беззащитным, ибо везде ему угрожают шпионы и враги, несущие „всеобщую смерть”. Опасны для больного манией преследования Якова Петровича также зеленовато-грязноватые стены его комнаты. Именно туда направляет первые шаги „шельмец” – Голядкин „младший” – двойник петербургского чиновника.

Квартира господина Голядкина не отличается от комнат других героев-чиновников Достоевского. Она небольшая, похожая на „каморку”. Закоптелые, пыльные стены квартиры страшат своей грязью. Такая же грязная лестница в капитальном доме на Шестилавочной улице, в котором живёт Яков Петрович:

Лестница была тёмная, сырая и грязная. На всех поворотах нагромождена была бездна всякого жилецкого хлама, так что чужой, небывалый человек, попавший на эту лестницу в тёмное время, принуждаем был по ней с полчаса путешествовать, рискуя сломать себе ноги²⁰.

Сходное с этим описанием лестницы мы находим в дальнейшей части произведения, в которой речь идёт о препятствиях господина Голядкина в доме директора департамента Олсуфия Ивановича. Несчастный Яков Петрович в ожидании подходящего момента войти в танцевальный зал, скрылся „между шкафом и старыми ширмами, между всяким домашним и ненужным дрязгом, хламом и рухлядью”²¹ в сенях дома Берендеева.

Характерно, что городской пейзаж в повести Достоевского связывается с состоянием души героя. Он воздействует на его психику и на восприятие им мира. Г. Пономарева замечает, что:

[...] мосты и повороты на пути часто бесцельного движения и метаний Голядкина по городу всегда чреваты неожиданными и пугающими его открытиями новой и враждебной реальности, встречами и метаморфозами его судьбы²².

¹⁹ Ibidem, т. 28, с. 111.

²⁰ Idem, *Двойник*, [в:] ibidem, т. 1, с. 143.

²¹ Ibidem, с. 219.

²² Г. Пономарева, *Достоевский...*, с. 65.

За фасадом каменных домов прячутся грязные и тесные двора, напоминающие гетто. В таких условиях живут бедняки, „маленькие люди” в „северной Венеции”. Во время одной из прогулок по городу именно в такое место попадает Ордын, герой Хозяйки: „[...] на завтра в восемь часов утра он подошёл к дому со стороны переулка и вошёл на узенький, грязный и нечистый задний дворик, нечто в роде помойной ямы в доме”²³.

Рисую картины города, Достоевский в Хозяйке показал также читателям новый, рождающийся пейзаж столицы, столицы промышленной, фабричной. Но крупные здания заводов с длинными трубами влияют вредно на психику героев. Они чувствуют себя беззащитно и неловко. Здесь и наблюдаем контрастное сопоставление старого мира с новым, промышленным. Василий Ордын, бродя по городу:

[...] опять прошёл много улиц и площадей. За ними потянулись длинные жёлтые и серые заборы, стали встречаться совсем ветхие избенки вместо богатых домов и вместе с тем колоссальные здания под фабриками, уродливые, почерневшие, красные, с длинными трубами. Всюду было безлюдно и пусто; всё смотрело как-то угрюмо и неприязненно...²⁴.

В. Акимов, рассматривая проблемы городского пейзажа и его влияния на поведение жителей, отмечает, что:

Петербург – это и средоточие контрастов душевных – высоких устремлений духа, мечтаний и пригнетающей жестокой прозы будничного прозябания; фантастически необыкновенных белых ночей, волнующих воображение, и скудного, прижимистого житья петербургских обывателей, неудачливой и страдающей чиновничьей мелкоты²⁵.

Таков „Петербург Достоевского”: беспощадный и приветливый (особенно во время белых ночей) город, пышный, парадный и, одновременно, город душных угрюмых закоулков, реальный и фантазмагоричный, прекрасный и угрюмый, враждебный человеку.

²³ Ф. М. Достоевский, *Хозяйка*, [в:] Ф. М. Достоевский, *Полное...*, т. 1, с. 271.

²⁴ *Ibidem*, с. 267.

²⁵ В. Акимов, *В защиту человека (вступительная статья)*, [в:] Ф. М. Достоевский, *Белые ночи. Неточка Незванова*, Ленинград 1968, с. 10.